

Философия события Алена Бадью (на примере «Манифеста философии»): критическое введение

The Alain Badiou's philosophy of event (on the example of «Manifesto of philosophy»): a critical introduction

Кудрин С.К.

Магистрант направления «47.04.01 Философия», Пермский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.;

Master's Degree Student, Direction «47.04.01 Philosophy», Perm State National Research University;
e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

Дан краткий обзор философии события Алена Бадью. Описаны основные понятия философии французского мыслителя. Произведен критический анализ теории А. Бадью, показаны преимущества и недостатки её. Выявлен эвристический потенциал теоретических построений французского деятеля культуры, сделан вывод о важности философии Бадью для новых онтологий конца XX – начала XXI в.

Ключевые слова: современная западная философия, философия события, Ален Бадью, «платоновский жест», событие, родовые (истинностные) процедуры, шов, Двоица, субъект без визави, неразличимое, родовое.

Abstract

A brief overview of the event's philosophy by Alain Badiou is given. The main concepts of the French thinker's philosophy are described. Made a critical analysis of the theory of A. Badiou, the advantages and disadvantages of it. The heuristic potential of the theoretical constructions of the French cultural figure is revealed, and the conclusion is made about the importance of Badiou's philosophy for new ontologies of the late XX - early XXI century.

Keywords: modern western philosophy, event philosophy, Alain Badiou, "Plato's gesture", event, generic (truthful) procedures, suture, Two, subject without vis-à-vis, indistinguishable, generic.

«Манифест философии» Алена Бадью был выпущен в печать в 1989 г. издательством «Editions du Seuil». На русском языке это произведение в переводе В.Е. Лапицкого впервые вышло в 2003 г. в издательстве «Machina». «Манифест философии», наряду с книгой «Бытие и событие» (1988 г.) является программным текстом Бадью, в котором он выстраивает свою философию события.

Главный вопрос, который ставит Бадью в «Манифесте»: «Как возможна философия?». И Бадью отвечает: она возможна не всегда, так как она не есть нечто изначально данное, она должна всегда возникать заново. Таким образом, вопрос о возможности философии становится вопросом о ее условиях. Бадью считает, что «философия имеет некоторое начало;

так, согласно нему, она существует не во всех исторических конфигурациях. Модус бытия философии — дискретность во времени и в пространстве. Тем самым, французский мыслитель предполагает, что у нее должны быть определенные условия» [Цит. по: 1, с. 14]. Ища возможные условия философии, Бадью приходит к выводу, что они должны быть трансверсальны – не историчны, независимы от конкретного исторического времени.

Это четверица условий (они необходимые, но не достаточные) – родовые или истинностные процедуры (первый, кто удостоверил возможность этих процедур в едином понятийном пространстве, был Платон):

- Матема (главное).
- Поэма.
- Политическое изобретение.
- Любовь.

Бадью утверждает, что существует четыре условия философии, притом, что малейший недостаток в одном из них приводит к исчезновению ее, ровно так же, как их совместное появление способствовало ее возникновению. Эти четыре родовые процедуры «уточняют и классифицируют в наши дни все способные породить истины процедуры (истина может быть лишь научной, художественной, политической или любовной). Таким образом, можно заключить, что условие философии - наличие истин в каждом из классов, где они могут быть засвидетельствованы» [Цит. по: 1, с. 16].

Родовые или истинностные процедуры имеют событийное происхождение. Таким образом, можно сказать, что появление истины в той или иной родовой процедуре есть некое событие. Истины эти имеют не гносеологическое, а онтологическое основание.

Согласно Бадью, существует несколько периодов философии, которые определяются одной главенствующей родовой процедурой:

- ➔ в классическую эпоху, во время Декарта и Лейбница главенствует матема;
- ➔ в эпоху Французской революции, во время Руссо и Гегеля, определяющее положение занимает политическое изобретение;
- ➔ между Ницше и Хайдеггером господствует поэма.

Далее Бадью «...удобно определить современный период философии через центральную, организующую роль, которую играет в нем категория Субъекта...ее достаточно для постановки вопроса завершен ли современный период философии?» [1, с. 23].

И тут, по мнению Бадью, философы делятся на два лагеря, сообразно тому, как они отвечают на вопрос о необходимости категории Субъекта. Лакан, Жамбе, Лардро и сам Бадью считают, что ее нужно сохранить, Хайдеггер (как предводитель другой группы), Лиотар, Деррида, Лаку-Лабарт, Нанси, а также, с некоторыми оговорками, Делёз – что ее требуется деконструировать и воспринимать как последнюю аватару метафизики. Бадью утверждает, что в современной дискуссии о Субъекте Хайдеггер выступает в качестве общего места для постструктуралистов, и в этом смысле они все являются хайдеггерианцами. Таким образом, первый лагерь выступает за «продолжение философии», второй же – за ее «конец».

Бадью, как сторонник первого лагеря, утверждает, что философия не закончилась, она была лишь на время приостановлена. Эта «приостановленность» была связана с тем, что она не могла четко определить свои границы и отождествлялась с одной из своих родовых процедур.

Когда же философия отождествляет себя с одной из родовых процедур (своих условий), она перестает быть философией («подшитость»). Примеры «подшитостей» (Бадью обозначает это словом «шов»):

- «Подшитость» с математикой – позитивизм;
- «Подшитость» с поэмой – Мартин Хайдеггер, Фридрих Ницше;
- «Подшитость» с политическим изобретением – марксизм;

- «Подшитость» с любовью – Эммануэль Левинас.

Цель Бадью в вопросе «подшитости» – снять швы с философии, дабы она заново свершилась, не привязанная ни к одной из своих родовых процедур.

В период истории, который открывается сразу после Г.В.Ф. Гегеля, когда философия была часто подшита к матеме или политическому изобретению, поэзия взяла некоторые из ее функций на себя. Эту эпоху Ален Бадью называет «веком поэтов» (время от Гельдерлина до Пауля Целана) [2]. Речь идет о тех поэтах, «чье творчество непосредственно распознаваемо как работа мысли, для кого поэма, как раз там, где пробуксовывает философия, оказывается в языке местом, где свершается суждение о бытии и времени» [1, с. 43]. Но, на сегодняшний день (1989 г.), «век поэтов», по мнению Бадью, завершен. И он выделяет закрытый список из семи важнейших, по его мнению, поэтов. Это Гельдерлин (пророк «века поэтов»), Малларме, Рембо, Тракль, Пессоа, Мандельштам и Целан [3]. Он обосновывает свой выбор следующим образом: «...не то чтобы они “лучшие”, здесь не до распределения наград, просто они периодизировали, ритмизировали век поэтов» [1, с. 45–46].

Возвращение философии без швов возможно благодаря событиям, которые произошли в каждой из её родовых процедур (условий):

- по разряду матемы – путь, пролегающий от Георга Кантора к Полу Коэну через Курта Геделя (современная теория множеств);
- по разряду любви – труды Жака Лакана;
- по разряду политики – события, растянувшиеся на период 1965 – 1980 гг.: май 1968 г. и его последствия, китайская культурная революция, революция в Иране, рабочее и национальное движение в Польше («Солидарность»);
- по разряду поэмы – движение Фернандо Пессоа – Осип Мандельштам – Пауль Целан.

Бадью выделяет три самых значимых, по его мнению, вопроса современной философии:

1. Вопрос Двоицы (вне привычной для него диалектической формулировки) [4]. Он тесно связан с двумя родовыми процедурами – любовью и политическим изобретением.

Реальная Двоица есть некоторое событийное производство, политическое производство. Ныне «случается Двоица, а не, как некогда, Единое; Двоица пост-событийна» [1, с. 63]. Раньше Единое было представлено как затруднение и задача, сегодня же «...нет ничего труднее Двоицы, нет ничего более подчиненного одновременно случаю и верности труда. Высший долг человека – произвести совместно Двоицу и мысль о Двоице, отправление Двоицы» [1, с. 63-64].

2. Вопрос объекта и объективности. Объект служит препятствием для постсобытийного производства истин. Никакая истина не имеет объекта. Необходимо произведение такого понятия субъекта, которое не поддерживалось бы никаким упоминанием об объекте, субъекта без визави. «Только на пути субъекта без объекта и сможем мы заново начать “картезианское размышление”» [1, с. 66], – пишет Ален Бадью.

3. Вопрос о неразличимом. «Со времен события в области матемы, каковы стали операторы Пола Коэна, стало возможно произвести понятие неразличимого и установить при некоторых условиях существование множественностей, которые подпадают под это понятие, множественностей “родовых”. Таким образом, просто-напросто неверно, что о том, о чем не можешь говорить, следует молчать. Напротив нужно его поименовать, различить как неразличимое. Неразличимое, которое подрывает разделяющую мощь языка, тем не менее, предлагается в понятие, которое может демонстративно диктовать законы его существованию» [1, с. 67-68].

Эти три главные вопроса имеют между собой глубокую связь [Цит. по: 1, с. 68 - 69].

Рассматривая философию XX в., Бадью отмечает, что она до сих пор была антиплатоновской. Антиплатонизм был общим местом для самых разных и самых

разобренных философских школ весь XX в. [Цит. по : 1, с. 70 - 71]. В качестве противников Платона он приводит сторонников диалектического материализма, Жан-Поля Сартра, Хайдеггера, современную философию языка, Карла Поппера, Лаку-Лабарта. Все они так или иначе критикуют его, но каждый по своим причинам.

Родоначальником же современного антиплатонизма на заре подшита философии к поэме Бадью считает Фридриха Ницше, так как платонизм выставлял запрет на этот шов [Цит. по: 1, с. 71]. Ницше считает, что нужно излечиться от «болезни Платона», а это означает, прежде всего, отказ от категории истины. Это излечение не будет полным, если оно не будет сопровождаться ненавистью к матеме, как к форме, в которой осуществился платонизм.

В свою очередь, Бадью считает, что необходимо совершить «платоновский жест» (вылечиться от антиплатонизма), дабы философия могла существовать в качестве философии, а не была «подшита» к одной из своих родовых процедур. Чтобы философия могла существовать в качестве философии, нужен новый этап в истории категории истины. И Бадью провозглашает, что «истина на сегодняшний день служит Европе новой идеей. Новизна этой идеи выявляется в сотрудничестве с математикой» [Цит. по: 1, с. 73].

Что касается категории истины, то Бадью предлагает «...доктрину истины, совместимую с неустранимой множественностью бытия как бытия. Истина может быть только особым производством некоей множественности. Все дело в том, что эта множественность не будет подчинена авторитету языка. Она будет или, скорее, окажется неразличимой» [1, с. 75].

В вопросе об истине центральной категорией у Бадью считается понятие «родовой множественности». Благодаря ей основывается платонизм множественного, который разрешает помыслить истину одновременно в качестве множественного результата особой процедуры, и в качестве бреши в области именуемого. С помощью этой категории можно будет принять онтологию чистой множественности, вместе с тем, не отступаясь от истины, а также не утверждая главенствующее значение языка. Помимо этого, родовая множественность выступает шпангоутами тому пространству мысли, где встречаются и находятся как совместно возможные четыре условия философии. Матема, поэма политическое изобретение и любовь в своем нынешнем состоянии будут режимами действенного – во множественных ситуациях – производства родовых множественностей, формирующих истину сих ситуаций [Цит. по :1, с. 75].

Как видно из приведенного выше отрывка, Бадью в своих теоретических построениях заимствует понятия из раздела математики – теории множеств. В целом, он считает эффективным для онтологии использование математического аппарата. «Математика — это действенная онтология» [1, с. 79].

«...мысль о бытии-как-бытии реализуется полностью в математике, но для того, чтобы собрать вместе и произвести совместно возможными собственными условиями, философии надо определить "то-что-не-есть-бытие-как-бытие", названное как "событие". Категория родового разработана с целью учета внутренних для множественной ситуации последствий обогащающего ее события. Это событие демонстрирует статус конкретных множественностей, что разом входят в ситуацию и достаточно убедительно устраивают в ней необходимо освобожденный от всякого называния случай. Это множественное перекрестье обнаруженной утвердительности некой ситуации, а также событийной случайности, которая является ее дополнением, является аккурат местом истины текущей ситуации. Такая истина есть результат бесконечной процедуры, и единственное, что о ней можно сказать, при условии представления, что эта процедура завершена, она будет родовой или же неразличимой» [Цит. по: 1, с. 76].

Необходимо, согласно А. Бадью, чтобы истина подчинялась трем критериям:

1. «Ввиду того, что истина должна быть истиной множественности, и одновременно с этим она не должна обращаться к трансцендентности Единого, — надо, дабы она была имманентной этой множественности порождением. Истина будет являться частью изначальной множественности, ситуации, в коей наличествует истина.
2. Так как бытие множественно, но нужно, чтобы и истина была, то истина будет некоей множественностью, тем самым — множественной частью ситуации, истиной которой она является. Она окажется продуктом специальной процедуры. На самом деле сию процедуру возможно привести в исполнение лишь из точки дополнения, из того, что превосходит ситуацию, то бишь, из какого-то события. Истина — бесконечный результат случайного дополнения. Любая истина имеет пост-событийный характер.
3. В силу того, что бытие ситуации — её несостоятельность, истина сего бытия может быть представлена в качестве произвольной множественности, безымянной части, состоятельности, редуцированная к предъявлению самому по себе, без какого-либо предиката или же именуемой особенностью. Истина, следовательно, будет родовой частью ситуации, «родовое» в данном случае значит то, что она есть ее произвольная часть, что в ситуации она свидетельствует только о ее множественном бытии самом по себе, о находящейся в ее фундаменте несостоятельности. Истина же и является той самой минимальной обоснованностью (частью, внепонятийной имманентностью), коя указывает в ситуации на несостоятельность, составляющую её бытие. Так вначале всякая часть ситуации представлена в роли особой, именуемой, координированной сообразно обоснованности, родовой части, каковая и есть истина, которую нужно будет произвести. Таким образом, истина образует бесконечный множественный горизонт пост-событийной процедуры, какую можно поименовать как родовую процедуру» [Цит. по: 1, с. 77 - 78].

«Сегодняшняя философия — это мысль о родовом самом по себе» [Цит. по: 1, с. 80] — так завершает Ален Бадью свое произведение «Манифест философии».

Важнейшие понятия философии А. Бадью, изложенные в «Манифесте философии», — «платоновский жест», «событие», «родовые (истинностные) процедуры», «шов», «Двоица», «субъект без визави», «неразличимое», «родовое». Все эти понятия тесно связаны между собой в одну систему, из которой нельзя «вынуть» хотя бы один из них без потери целостности и ценности для самой системы. Все они нужны французскому мыслителю, чтобы показать возможность философии в современности и условия ее существования.

В качестве теоретического достижения Бадью в онтогносеологическом плане можно отметить то, что он стремится достоверно и ясно определить границы философии и отграничить ее от других сфер общественной жизни (в терминологии Бадью — от «родовых процедур»), благодаря чему открываются новые пути в философии и показывается сама осуществимость философии как философии, ибо, когда речь идет о «конце философии» чаще всего сказывается о «подшитой философии», а не о самой философии как таковой.

Наиболее необоснованными («слабыми местами») в философии Бадью являются: 1) выбор конкретных примеров, так, например, выбор событий, которые помогли снять «швы» с философии или же 2) выбор конкретных поэтов, принадлежащих к «веку поэтов»; 3) кроме того, непосредственно непонятен критерий Бадью при использовании тех или иных примеров; 4) также трудно оценить корректность использования математического аппарата при построении А. Бадью своей онтологии.

Подводя итоги, стоит отметить, что философия Алена Бадью доказывает возможность философии после так называемого «конца философии». В этом состоит ее актуальность и главное значение для современной философии. «Платоновский жест» Бадью положил начало «новым онтологиям» конца XX — начала XXI в.

Литература

1. *Бадью А.* “Манифест философии”/ Сост., пер. с франц. И послесловие В.Е. Лапицкого. - 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Machina, 2012. - 190 с.
2. *Бадью А.* “Век”. – Москва: Издательство "Логос", проект letterra.org, 2016. - 224 стр.
3. *Бадью А.* “Век поэтов”/ Пер. С фр. С. Фокина //Новое литературное обозрение— 2003.— №63.
4. *Бадью А.* “Единица делится надвое”//Синий диван. — 2004.— №5.